

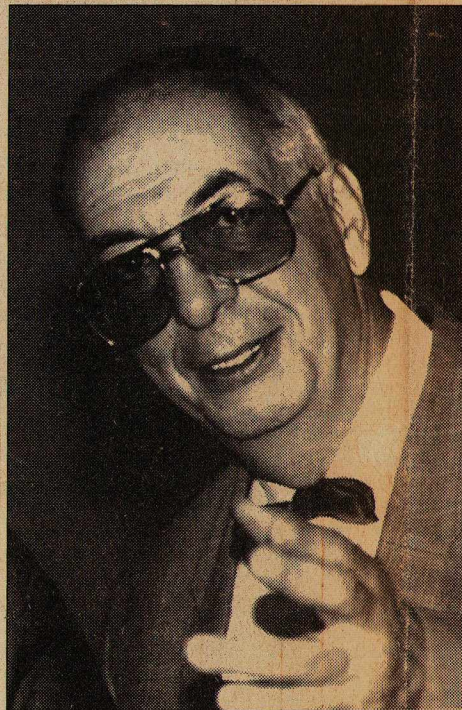
ПЕРСОНА

Общая газ. - 1995 -
7 сент. - с. 11.

Страшно, что музыка так проста

Из композиторов, работавших для кино и эстрады, **Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ** остается едва ли не самым интеллигентным и утонченным, олицетворением компромисса между массовой и элитарной культурой, символом интеллигентности

и популярности одновременно. Многие из того, что он говорит, — субъективно. Но все — интересно. Ибо опыт сохранения себя в неблагоприятных и унылых обстоятельствах — насущная тема для любого, кому еще есть что сохранять.



дон с программой «Новые имена». Думаю, немногие знают об этом.

— Об этом расскажу с радостью. «Новые имена» — это международная благотворительная программа. Мы собрали самых талантливых детей. И мы хотим, чтобы дети поняли и почувствовали, что они — наша надежда, что они нужны нам, что их ценят не только на Западе, но и любят дома. Вообще-то говоря, это функция государства. Но государство это не интересует. Вот мы и взялись за это.

— Кто «мы»?

— В программу «Новые имена» входят многие известные люди. Например, в попечительском совете, который возглавляет Анатолий Карпов, состоит принц Майкл Кентский, глава ЮНЕСКО Фридерик Майор, Виктор Третьяков, Владимир Спиваков и многие другие. А меня пригласили художественным руководителем.

И вот что еще важно. Когда-то в России была создана госколлекция музыкальных инструментов — там были скрипки Страдивари, Амати, Гварнери, ценные виолончели. Еще в 50–60-е годы наши молодые таланты, уезжая на Международные конкурсы, получали инструменты и могли играть не на своих «дровах», которые были у студентов, а на этих замечательных инструментах. В случае, если музыкант получал престижную премию — этот уникальный инструмент оставался у него в пользовании. Эта коллекция существует и поныне. Но теперь, чтобы получить инструмент, какой-нибудь банк должен дать гарантию на страховку в 1 миллион долларов. Эти скрипки действительно стоят столько, но покажи-ка мне такой банк! Да и музыканты боятся их брать — ведь залог-то в 1 миллион долларов. В результате почти никто на этих инструментах не играет. Вот мы и решили создать свою коллекцию.

— С какой программой вы ездили в Лондон?

— Сейчас дети играли русскую классику, Вивальди, Шуберта. Это было во дворце Сент-Джеймс. Это вторая по значению королевская резиденция после Букингемского дворца. Публичных концертов там не бывает, приглашается публика, человек 300. Принц Майкл Кентский как попечитель, открывая концерт, обратился к присутствующим на прекрасном русском языке.

— Тебя многие знают как кинокомпозитора. А я знаю, что есть еще и «некиношная» музыка. Что ты скажешь о ней?

— У меня всегда было две жизни в музыке. И я сегодня не откажусь ни от одной из них. Одна жизнь, которую знают все, — это кино. У меня 132 художественных фильма. В своем роде рекорд. Мне это интересно! И я абсолютно убежден, что если бы Моцарт, Чайковский жили бы сегодня, они писали бы музыку для кино. Киномызыка для меня — не только источник средств к существованию, хотя это, конечно, и так, — а очень интересная работа. Надо сказать, что мне с самого начала повезло: первую студенческую работу я сделал со студентами ВГИКа — и получил свою первую международную премию в Брюсселе. А на 4-м курсе я уже получил заказ на первую профессиональную картину на киностудии им. Горького.

слишком сложно, непонятно, а ты — слишком просто?

— У меня этот страх прошел. Я никакими фокусами не занимаюсь. Понадобится моя музыка — понадобится. Не сейчас — так потом. Может, лет через 15–20. Когда люди захотят снова ясности и гармонии. А они захотят! Вот я очень люблю композитора Валерия Гаврилина. По-моему, это один из лучших современных композиторов, может быть, даже — великий современный российский композитор. Ужасно, что он так мало известен широкой публике! Но пройдет время — его музыка, может быть, станет главной. Потому что она очень проста и благородна. А все фокусы, которыми многие сейчас заняты, — что ж, мы опять догоняем уходящий поезд, уже в который раз. И все это бессмысленно.

— Ты считаешь, что «простая» музыка не совпадает с временем?

— Я уверен, что тенденции второй половины XX века и увлечения авангардной музыкой кончатся. Я просто в этом абсолютно убежден. Вообще-то это любопытное явление — авангардная музыка. Я тоже пробовал — и плохо получалось. И я понял: здесь нужен не столько талант, сколько голова. А вообще смешно, когда эту музыку называют авангардной — ей уже сто лет! Какой это авангард? Попытаюсь объяснить, почему мне эта музыка не нравится, что меня не устраивает, — хотя я увлекался ею. Это музыка разрушения — всего, и вокруг себя и себя. Да, она отражает тенденции XX века, когда ломаются отношения, происходят невиданные войны, убийства, массовый терроризм. Вот весь этот мир отражает эта музыка. Хотя такой задачи впрямую она не ставит. Принцип этой музыки внеэмоциональность. Теоретики так и говорят: «современная музыка не должна быть эмоциональной, она не для этого». Как музыкант-профессионал, я в принципе могу все. И когда я открываю ноты современной авангардной музыки — мне любопытно. Ага, вот интересная структура, вон как она меняется на следующей странице. Все это любопытно смотреть. Но невозможно слушать! Я умираю от тоски.

— А почему? Если ноты смотреть интересно...

— Да потому что первоначальное назначение музыки — это все равно разговор с Богом! Это все равно попытка подняться, а не опуститься, распахнуться. Я говорю не о сопливой музыке, не о сладких слюнях, это другое. Музыка, одним словом, должна идти к Богу — или в Космос, кто как понимает. Поэтому никогда не умрет Бах. А в современной авангардной музыке нет Веры. Когда-то я очень любил Шнитке, его музыку. А музыка последних лет вызывает у меня отторжение. Вот я пошел на его 6-ю симфонию, дирижировал сам Ростропович... Или на его последнюю оперу «Жизнь с идиотом». Я очень хотел, чтобы мне понравилось. Но этого не произошло. Более того — у меня музыка вызвала протест. Раньше он был гонимый, а теперь говорят — Бах. Опять все с обратным знаком!

— Ты хотел бы жить в другом времени?

— Да. Лет на 150 раньше. И ни в коем случае — через 150 лет. По моим прогнозам, если мир не станет добрее и разумнее, — все будет

ужасно. Ведь люди не меняются, меняется техника, мы как-то меняем мир, природу — и пока в худшую сторону, чем она была создана Господом.

— Скажи, по поводу чего вдруг возникает «тихая грусть», чего-то хочется, чего-то жаль...

— О, у меня все очень просто. Грустно бывает, когда не хватает денег. Деньги мне нужны не на жизнь, — на это я зарабатываю. Но есть что-то, что мне очень хочется, — и я знаю, что этого никогда не будет.

— Например?

— Так вот. «Лингоф» — фантастический аппарат! А ты знаешь мою страсть к технике. Но у меня никогда не будет на него денег, это нереально! Или я всегда мечтал попасть на карнавал в Бразилию, в Рио-де-Жанейро.

— Я знаю твои фотографии, достойные любого классного фотожурнала.

— Так вот. «Лингоф» — фантастический аппарат! А ты знаешь мою страсть к технике. Но у меня никогда не будет на него денег, это нереально! Или я всегда мечтал попасть на карнавал в Бразилию, в Рио-де-Жанейро.

— В конце концов, что уж так недостижимо, что ли? Если очень хочется...

— Недостижимо! Хочешь, расскажу тебе смешную историю? Совсем недавно явился ко мне некий человек и сказал: «Здравствуйте, г-н Таривердиев!» Я говорю: «Здравствуйте! Чем могу быть полезен?» — «Вы знаете, инфанта испанская выходит замуж», — говорит он. — «Ну и что?» — «Дело в том, что мы представляем группу из 20 испанских фирм в России. А инфанта выходит замуж не за принца крови, как положено, а за богатого промышленника. Потребовалось даже испросить разрешения папы римского». — «Замечательно», — говорю я с изумлением. — «Но какое все это имеет отношение ко мне?» — «Все королевские дворы сейчас готовят принцессе подарки. И мы, группа испанских фирм, тоже хотели бы сделать подарок. Нам сказали, что никто лучше Вас не напишет органную музыку. Мы хотим Вам заказать органную пьесу — в подарок принцессе». — «Знаете, — говорю, — написать я не успею. Но я только что закончил 10 хоралов для органа, мне буквально только что принесли переписанные ноты. Если хотите...» Прослушали. «Боже мой, это то, что надо!» — воскликнул он. — «Боже, какая красота! Это то, что нужно, Микаэл Леонович!» — повторял он. — Нам нужно немедленно взять ноты, переплести в сафьяновый переплет, а Вы своей рукой напишите: «Принцессе Елене, инфанте испанской в день бракосочетания от Микаэла Таривердиева». — «Да, конечно, напишу». — «Кстати, а сколько это может стоить?» — спрашивает он. Вот тут я замаялся: «Право, не знаю...» — «А какой критерий?» — «Ну, какой критерий... Я могу сказать не для королевской семьи, а как принято на нашем телевидении. Скажем, за песню, которую исполняют певцы под гитару, — минимум 2 тысячи долларов. Иногда и больше». — «Ага, значит 10 хоралов — 20 тысяч долларов. Так?» — «Да. Меня это устроит». Он уехал готовить контракт, а мы с женой размечтались: сбывается голубая мечта — мы таки съездим в Рио-де-Жанейро! А на другое утро раздался звонок. Я услышал знакомый голос: «Я под таким впечатлением! В таком восторге! Это потрясает! Одна просьба: Вы не могли бы уступить в цене?» Я не сразу понял, а потом говорю: «Знаете что? Приезжайте, заберите ноты. Я их дарю вашей принцессе и вам!»

И у меня так всю жизнь, понимаешь? Поэтому когда мне говорят: Вы сделали 132 фильма, — да Вы же миллионер! Я отвечаю: ведь я их делал не в Америке, а в России. Для любопытных могу сказать: за «Иронию судьбы...» я получил 5 тысяч рублей, за «Семнадцать мгновений...» — 11 тысяч (три года работы). Вот тогда я, наконец, сделал ремонт в квартире... Так что почти как у Моцарта в «Свадьбе Фигаро»: чести много, а денег мало.

Мы посмеялись. Рио-де-Жанейро так и остался голубой мечтой мастера.

Беседовала Инна ТУМАНЯН

— Расскажи про твой последний вояж в Лон-